

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2017 – 1 (295)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2017**

Научно-информационный бюллетень
«Россия и мусульманский мир»

Коллектив авторов
**Россия и мусульманский
мир № 1 / 2017**

«Агентство научных изданий»

2017

Коллектив авторов

Россия и мусульманский мир № 1 / 2017 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2017 — (Научно-информационный
бюллетень «Россия и мусульманский мир»)

В журнале публикуются научные материалы по текущим политическим, социальным и религиозным вопросам, касающимся взаимоотношений России и мировой исламской уммы, а также мусульманских стран.

© Коллектив авторов, 2017

© Агентство научных изданий, 2017

Содержание

Современная Россия: Идеология, политика, культура и религия	6
Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России	6
Мусульмане России: Реалии формирования гражданской идентичности	15
Место и роль ислама в регионах Российской Федерации, Закавказья и Центральной Азии	22
Особенности интеграции этносов Крыма в российский полиэтнический социум	22
К вопросу о месте религии в структуре идентичности чеченцев	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Россия и мусульманский мир Научно-информационный бюллетень 2017 – 1 (295)

*КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ МЕЖДУ
ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!*

Современная Россия: Идеология, политика, культура и религия

Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России

А. Лубский, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета

О. Посухова, кандидат социологических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Аннотация . В статье выделяются пять идеальных типов «nation building», в контексте которых анализируются различные проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в современной России. Авторы приходят к выводу, что проекты формирования гражданской нации и единой российской нации оказались нереализованными, а в России сложилась политическая нация – специфическая государственно-гражданская идентичность, и реализуется модель национальной интеграции, основу которой составляет принцип «одна нация – много этнических культур». Однако доминирующая в российском обществе государственно-гражданская идентичность оказалась недостаточной для преодоления дезинтеграционного потенциала межэтнических и межконфессиональных противоречий. В связи с этим возникла потребность в новых проектах нациестроительства, одними из которых могут стать формирование трансэтнической нации-цивилизации и конструирование национально-цивилизационной идентичности как основы консолидации российского общества.

Ключевые слова: нациестроительство, интеграция, национально-цивилизационная идентичность, ценностная политика, консолидация.

В конце XX в. усилия российских реформаторов были направлены на реализацию линейной модели модернизации в либеральном направлении. Однако осуществить на практике эту модель не удалось, и российское общество вернулось к государствоцентричной матрице развития. В результате российское государство стало напоминать «витязя на распутье», обеспокоенного, с одной стороны, проблемами вхождения в глобализирующееся мировое пространство, а с другой – поисками путей национального развития и моделей национальной интеграции в условиях этнокультурного многообразия, возрастающего вследствие процессов глокализации и усиления миграционных потоков. В современной России поиск моделей национальной интеграции осложняется тем, что в полиэтническом российском обществе существуют глубокие социальные неравенства, разнообразные социальные интересы и ценностные ориентации, затрудняющие консолидацию российского общества [Перегудов 2011].

Национальная интеграция – это процесс объединения национального сообщества в единое целое в результате формирования нации в рамках государственного образования. Одним из этапов развития нации выступает национальная консолидация как сплочение националь-

ного сообщества на основе общих целей, интересов или ценностей. Поэтому консолидация, в отличие от интеграции, существует на уровне национального сознания и в значительной степени связана с формированием национальной идентичности. Модели национальной интеграции – это когнитивные аналоги реальных процессов национальной интеграции, обусловленных спецификой нациестроительства в тех или иных странах.

Теоретические трудности, связанные с изучением проектов нациестроительства в России, связаны с тем, что в научной литературе существуют различные представления о том, что такое нациестроительство, или nation building [Репьева 2013]. В зарубежной литературе термин nation building в одних случаях связывается с формированием нации [James 1996: 18–46; Иноземцев 2013: 298], в других – с созданием государства и формированием у населения чувства национальной идентичности [Bell, Freeman 1974: 11], в-третьих – с построением национальной идентичности с использованием силы государства [Nation Building... 1966].

В отечественной литературе одни исследователи считают, что нациестроительство – это процесс формирования национальной идентичности, суть которого заключается в создании в обществе чувства солидарности и патриотизма по отношению к своему государству [Тишков; Астафьева 2016: 52–56]. Другие полагают, что нациестроительство – это «соединение людей множеством взаимных связей и обязательств», которое становится возможным, «когда большая часть населения ощущает свою солидарность с множеством сограждан и свободно, по доброй воле принимает на себя заботу о них и ответственность перед ними» [Кара-Мурза, Куропаткина 2014: 375]. Некоторые исследователи, рассматривая нациестроительство как способ государственного регулирования межэтнических отношений, обращают внимание на необходимость очертить в первую очередь концептуальные подходы к такому явлению, как национализм [Барышная 2014]. Это обусловлено тем, что «не нация, – как считают специалисты, – создает национализм, а национализм создает нацию», и в связи с этим они выделяют гражданский и этнический виды национализма: первый собирает народы в большие нации, а второй разделяет нации и народы на менее крупные этнические общности [Кара-Мурза, Куропаткина 2014: 372–473].

Теоретические трудности, связанные с изучением проектов нациестроительства в России, обусловлены также тем, что в настоящее время существуют различные подходы к пониманию нации. В рамках одного из таких подходов, сложившихся под влиянием практик нациестроительства в западноевропейских странах, нация рассматривается как социальная общность с едиными национальными интересами и гражданскими ценностями, объединенная общей политической системой. При этом в понимании нации выделяется французская традиция, в которой нация рассматривается как политическое и гражданское сообщество, и немецкая традиция, связанная с пониманием ее как этнонации, т.е. сообщества культурного происхождения. Другой подход к пониманию нации связан с практикой nation building в США как иммигрантском государстве, в котором отождествляются понятия американского народа и американской нации как политического сообщества, основанного на верности американскому государству и приверженности американским ценностям, составляющим ядро политической культуры американского общества. В связи с этим некоторые исследователи считают, что с точки зрения западноевропейских практик nation building сегодня в США нет нации и поэтому американцы представляют собой не nation, а people [Иноземцев 2013: 300–312].

В целом можно выделить несколько идеальных типов нациестроительства в зависимости от особенностей социокультурного и исторического контекстов. Во-первых, это формирование моноэтнической нации, или нации-государства, основу которой составляет общность этнического происхождения, языка, религии, экономических интересов и политической системы. Во-вторых, это формирование полиэтнической политической нации на основе общности национальных (государственных) интересов и политических ценностей. В-третьих, это формирование полиэтнической гражданской нации, базирующейся на общих гражданских ценностях. В-

четвертых, это формирование трансэтнической идеологической нации, основой которой является общность государственных интересов и идеологических ценностей. В-пятых, это формирование трансэтнической нации-цивилизации, основанной на общности цивилизационных ценностей и культурных кодов жизнедеятельности.

В настоящее время дискурсы о нации в России разворачиваются, с одной стороны, на уровне политических проектов, связанных с формированием единой российской нации, с другой – на уровне обсуждения вопроса о том, существует ли в России нация, и если да, то каковы ее особенности. После того как в стране не удалось реализовать проект, связанный с формированием гражданской нации на основе гражданского общества, была предложена идея о российском многонациональном народе как единой нации. Впервые эта идея была высказана в 2004 г. в докладе В.В. Путина по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений. Однако с самого начала эта идея вызвала, как отмечают исследователи, оппозицию со стороны региональных этнократий, которые усматривали в ней ущемление национальных прав различных этнических групп, а также русских националистов, которые отводили русским как государствообразующему народу особую роль в России [Малинова 2008: 66–79]. В дискурсе возникли также опасения, что реализация этой идеи в рамках политики «жесткой руки» и вертикали власти станет новым форматом слияния наций [Михайлов 2011: 116].

В 2008 г. возник Общероссийский союз общественных объединений «Российская нация», целью создания которого было, как отмечают исследователи, распространение в обществе идеи политической и гражданской нации в России [Зверева 2009а: 73–78].

В результате был предложен новый проект нациестроительства, который стал одновременно ориентироваться на формирование российской нации и как политической нации, объединяющей граждан Российской Федерации, и как гражданской нации, основанной на гражданском согласии. Вместе с тем в этом проекте сохранялась и идея российской нации как многонационального российского народа. В итоге «российская нация» оказалась, как подчеркивают исследователи, «зонтичным понятием», с помощью которого пытались сгладить общественные разногласия по поводу того, какой должна быть национальная идентичность в российском обществе [Зверева 2009б: 423].

В 2012 г. была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Целью этой Стратегии является, с одной стороны, «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)», с другой – сохранение и развитие «этнокультурного многообразия народов России»¹. В основу федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020)» также был положен принцип единства российской нации и этнокультурного многообразия народов².

В связи с этим в российском научном дискурсе актуализировалась проблема, связанная с формированием в России трансэтнической нации. При этом стали предлагаться различные проекты конструирования такой нации, например с учетом советского прошлого или неоперского будущего [Багдасарян 2014], российской цивилизационной специфики [Лубский 2015] или американского опыта второй половины XX в. Интерес в этом плане представляет также обмен мнениями в декабре 2010 г. между В.В. Путиным и Д.А. Медведевым на совместном заседании Гос-совета и комиссии по реализации нацпроектов о том, на какой опыт нациестроительства можно опираться при решении проблем межнациональных отношений в современной России.

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Доступ: <http://www.text.document.kremlin.ru/SESSION/PDA/link Proxy?subjectId70284810link6553>

² Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020)». Доступ: <http://www.government.ru/docs/4022> (Проверено 12.04.14.)

В.В. Путин, бывший в то время председателем правительства РФ, при решении этих проблем призвал воспользоваться советским опытом, поскольку в «СССР удалось создать некую субстанцию, которая оказалась над межнациональными и межконфессиональными отношениями. К сожалению, – заметил он, – она носила идеологический характер, это была социалистическая идея». На что президент РФ Д.А. Медведев отреагировал так: «Только что Владимир Владимирович, выступая, вспомнил Советский Союз, который нашел свою схему достижения определенного результата межнационального мира. Возможно ли повторение того, что было сделано в советский период? Мы с вами реальные люди и понимаем – нет, невозможно. СССР был очень жестким государством». Согласившись с В.В. Путиным в том, что «судьба Советского Союза в этом смысле дает самую лучшую пищу для размышлений» и «идея российской нации также эффективна», Д.А. Медведев сказал, что «нужно выработать новые подходы». При этом он в качестве конструктивного примера, которому «не надо стесняться учиться», привел опыт США, где еще 40 лет назад «представители разных рас сидели на разных лавках, а сейчас это весьма толерантное общество»³.

Комментируя эту полемику, некоторые современные исследователи отмечают, что В.В. Путин вовсе не утверждал, что в современной России следует повторять опыт СССР, смысл его реплики заключался в том, что «принципы сборки нации надо выработать на основе исторического опыта государства Россия с учетом массивных инерционных блоков ее культуры». В частности, по словам В.В. Путина, вполне достойной заменой социализму мог бы послужить «общероссийский патриотизм». Д.А. Медведев, напротив, в качестве «образца назвал модель США, т.е. “этнический тигель”, который “проработал” два века, и нынешний мультикультурализм» [Кара-Мурза, Куропаткина 2014: 388].

На уровне обсуждения вопроса о том, существует ли в России нация, в научном дискурсе существуют различные представления. Некоторые исследователи высказывают суждения о том, что макрополитическое сообщество, сформировавшееся в постимперском контексте, невозможно вообще вписать в идею российской нации, обеспечивающей национальную интеграцию [Малинова 2012: 48]. Поэтому, с их точки зрения, говорить о наличии в современной России нации не представляется возможным. Об отсутствии нации в России также говорят и те ученые, которые связывают возможности нациестроительства в ней только с формированием гражданской нации по западноевропейским либеральным лекалам [Паин 2004: 18].

Большинство исследователей считают возможным говорить о существовании нации в России, вопрос только в том, как ее называть – гражданской или политической. В частности, одни ученые полагают, что процесс формирования гражданской нации в России уже идет, и достаточно успешно [Российская нация...2011: 3–4]. Однако другие исследователи считают, что возникновение гражданской нации – это перспектива на будущее, и связывают ее с практиками формирования гражданского общества в России «снизу» [Горшков 2011: 104].

Дискурсы о нации в России, приобретающие зачастую идеологически ангажированный характер, сопровождаются также разными представлениями о том, какой должна быть национальная идентичность в российском обществе и как возможно ее формирование. В процессе реализации различных проектов нациестроительства в России стало ясным, что национальная идентичность является результатом не только ее конструирования субъектами, обладающими символическим капиталом власти, но и социокультурной предрасположенности индивидов воспринимать навязываемые представления о воображаемых сообществах в качестве основы этой идентичности. Об этом говорил и В.В. Путин, который, выступая в 2013 г. на Валдайском форуме, подчеркнул, что «идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть построены на основе идеологической монополии». При этом В.В. Путин

³ Родин И. Разошлись во мнениях. – Независимая газета. 2010. 28 дек. Доступ: http://www.ng.ru/politics/2010-12-28/1_opinions.html

обратил внимание на то, что «формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастность к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями – необходимое условие сохранения единства страны»⁴.

Опираясь на результаты социологических исследований, Л.А. Дробижина предложила различать государственно-гражданскую и национально-гражданскую идентичности в российском обществе. При этом она отметила, что основу государственно-гражданской идентичности составляет этатистское сознание индивидов, предполагающее лояльное отношение к государству. Основой национально-гражданской идентичности выступает гражданское сознание, которое означает отождествление индивида с гражданским сообществом как гражданской нацией. При этом она обратила внимание на то, что в Западной Европе государственно-гражданская и национально-гражданская идентичности на определенном этапе стали совпадать [Дробижина 2012: 17–18]. В России государственно-гражданская и национально-гражданская идентичности не совпадают, более того, когда говорят о гражданской идентичности в России, то чаще всего подразумевается принадлежность не к гражданскому обществу, а к государству. Л.А. Дробижина обратила также внимание на особенность современной российской идентичности, которая носит не только государственный, но и гражданский характер. Основаниями для такого рода идентичности, солидаризирующей, как считает Л.А. Дробижина, российское общество, являются: общее государство (66% респондентов в ходе общероссийского опроса), территория (54%), государственный язык (49%), историческое прошлое (49%), общие символы – флаг, герб, праздники (32–37%), ответственность за судьбу страны (32%). При этом она отмечает, что «при высоком сходстве у русских и других национальностей по значимости они совпадают в трех случаях (государство, символы, праздники) и почти совпадают еще в трех случаях (территория, язык, ответственность за судьбу страны). Последний фактор особенно важен, поскольку именно он характеризует нашу российскую идентичность не только как государственную, страновую, но и как гражданскую [Дробижина 2015: 123].

Доминантой государственно-гражданской идентичности в современном российском обществе выступает самоидентификация индивидов, прежде всего, с гражданами Российской Федерации (75–80% в 2013–2015 гг. по России в целом). Вместе с тем эта идентичность содержит и такие элементы национально-гражданской идентичности, как чувства общности и солидарности с гражданами страны, ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. Результаты социологических исследований также показывают, что у большинства россиян государственно-гражданская идентичность совмещается с этнической идентичностью [Дробижина 2015: 124]. Так, при ответе на вопрос: «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?» – 47% респондентов по стране в целом назвали себя «скорее россиянами», 25% одновременно считают себя и россиянами, и представителями определенной национальности. Однако в республиках респонденты из числа представителей титульных этнических групп рассматривают себя прежде всего как представителей своей национальности [Дробижина 2012: 24–25]. Это позволяет сделать вывод о том, что, наряду с государственно-гражданской идентичностью, которая является преобладающей по стране в целом, в национальных регионах большую роль играет этнонациональная идентичность индивидов, составляющих этнические сообщества, стремящихся к усилению своей государственности. В связи с этим некоторые исследователи отмечают, что сложившаяся государственно-гражданская идентичность не оказывает существенного влияния на снижение дезинтеграционного потенциала этноконфессиональных различий в российском обществе [Авксентьев, Аксюмов 2013: 32–35].

⁴ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». Стенограмма заседания. Доступ: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>

Анализ процессов нациестроительства и формирования национальной идентичности в современном российском обществе позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, идея о российском народе как единой нации оказалась заманчивым, но не реализованным проектом нациестроительства в постсоветской России.

Во-вторых, в России сложилась политическая нация и специфическая государственно-гражданская идентичность, а в основу национальной интеграции был положен принцип: «Одна нация – много этнических культур».

В-третьих, сложившееся макрополитическое сообщество (политическая нация) и сформировавшаяся государственно-гражданская идентичность оказались, с одной стороны, недостаточными для преодоления межэтнических и межконфессиональных противоречий, а с другой – не способными стать реальной основой культурно-аксиологической общности россиян.

В связи с этим в современной России начался поиск новой модели нациестроительства и национальной интеграции. При этом некоторые исследователи считают, что такой моделью может стать формирование в России трансэтнической нации-цивилизации и конструирование, соответственно, национально-цивилизационной идентичности как основы консолидации российского общества [Лубский 2015: 30–35]. В связи с этим следует отметить, что формирование национально-цивилизационной идентичности в российском обществе сегодня связано с целым рядом трудностей, которые обусловлены, с одной стороны, тем, что общественному сознанию в России навязываются различные ее цивилизационные образы, а с другой – тем, что сама идея национально-цивилизационной идентичности в настоящее время находится на периферии массового сознания россиян. Поэтому особая роль в формировании национально-цивилизационной идентичности в России должна принадлежать ценностной политике и гуманитарным технологиям. В связи с этим одним из условий формирования нации-цивилизации и конструирования национально-цивилизационной идентичности является распространение в общественном сознании представлений о России как государстве-цивилизации и формирование заботы о ее национальных интересах.

В настоящее время в дискурсе презентуются самые различные цивилизационные образы России как цивилизации. Особое значение в этом цивилизационном репертуаре имеют образы России как восточно-христианской, православной, русской, русско-славянской, или восточнославянской, евразийской и российской цивилизации [Лубский 2005]. Для формирования в современном российском обществе национально-цивилизационной идентичности наиболее подходящим, на наш взгляд, является образ России как российской цивилизации. В научной литературе существуют различные представления об особенностях российской цивилизации. Согласно одному из таких представлений, особенность этой цивилизации состоит в том, что доминантной формой социальной интеграции в ней выступает государственность как государственно организованное общество, неформальная институциональная матрица функционирования и развития которого задается государством [Лубский 2014: 7–9]. Эта матрица, с одной стороны, включает такие базовые принципы, как этатизм, державность, социоцентризм и патернализм, выступающие культурными маркерами национально-цивилизационной идентичности [Лубский 2013], с другой – обуславливает формирование в государственно-организованном обществе нормативного типа личности, выступающего основой конструирования этой идентичности в России.

Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции, связанные с формированием нации-цивилизации и конструированием национально-цивилизационной идентичности в России, подвергаются критике со стороны либерально ангажированных ученых. Они полагают, что основной целью нациестроительства в России является формирование гражданской нации на основе принципов и ценностей гражданского общества. Поэтому любые попытки использовать идею цивилизации в качестве альтернативы нации ими считаются несостоятель-

ными, а всякие разговоры о цивилизационной специфике России рассматриваются как реанимация идеологемы ее «особого пути» [Между идеями... 2012].

В связи с этим следует обратить внимание на то, что в настоящее время в рамках культуры неоглобализма существенно изменились представления о локальных цивилизациях в эпоху глокализации. Некоторые исследователи, преодолевая представления о них как дискретных социокультурных единицах, предлагают применять понятие цивилизации только к тем локально-историческим образованиям, которые обладают способностью к усвоению и выражению универсальных идиом и значений через призму своих ценностей и исторического опыта [Лубский 2016]. В этом плане локальные цивилизации могут рассматриваться как «вызовы» глобальным императивам, а цивилизационные идентичности – как основа воспроизводства цивилизаций в международной политике [Civilizational Identity... 2007]. В рамках таких представлений о локальных цивилизациях проекты нациестроительства, связанные с формированием нации-цивилизации и конструированием национально-цивилизационной идентичности в России, являются не попыткой идеологического обоснования ее особого пути в противостоянии с Западом, а стремлением к формированию собственных, обусловленных ее цивилизационной спецификой ответов на вызовы глокализации как условием национальной интеграции и фактором консолидации российского общества.

Таким образом, в 90-х годах прошлого века в России в процессе либеральных преобразований была предпринята попытка реализации такого проекта нациестроительства, который предполагал формирование гражданской нации и национально-гражданской идентичности как необходимого условия национальной интеграции и консолидации российского общества.

В начале XXI в. в рамках идеи о российском многонациональном народе как единой нации был предложен новый проект нациестроительства, направленный на формирование российской нации одновременно как нации политической и гражданской при сохранении культурного многообразия народов России. В результате реализации этого проекта в России сформировалась полиэтническая политическая нация, объединяющая граждан Российской Федерации. Преобладающей в российском обществе стала государственно-гражданская идентичность, включавшая также некоторые элементы национально-гражданской идентичности. Определенную конкуренцию государственно-гражданской идентичности составила этнонациональная идентичность, преобладающая в национальных регионах среди представителей титульных национальностей. В результате государственно-гражданская идентичность оказалась недостаточной для снижения дезинтеграционного потенциала этноконфессиональных различий в российском обществе.

В связи с этим появилась потребность в разработке новых проектов нациестроительства и моделей национальной интеграции. Реализацию одного из таких проектов связывают с формированием в России как государстве-цивилизации трансэтнической нации-цивилизации и национально-цивилизационной идентичности, способной преодолеть этнические и конфессиональные противоречия в обществе.

Примечание: Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

Литература

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. 2013. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности. – Научная мысль Кавказа. № 4. С. 31–37.

2. Астафьева Е.М. 2016. Нациестроительство в гетерогенном обществе: проблема выбора пути. – Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. Т. 149. № 1. С. 52–66.
3. Багдасарян В.Э. 2014. Нациестроительство или империестроительство: развилка подходов. – Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. № 1(33). Т. 7. С. 47–50.
4. Барышная Н.А. 2014. Нациестроительство как способ формирования межэтнических отношений. – Власть. № 3. С. 43–47.
5. Горшков М.К. 2011. Социальные основы формирования гражданской нации в современной России. – Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: К 70-летию академика В.А. Тишкова. – М.: Наука. С. 103–114.
6. Дробижева Л.М. 2012. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ. – Вестник Российской нации. № 4–5. С. 17–25.
7. Дробижева Л. 2015. Межнациональное согласие в политике государства и массовом сознании. – Вестник Российской нации. № 5. С. 105–126.
8. Зверева Г.И. 2009а. Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России. – Вестник общественного мнения. № 1 (январь–март). С. 73–80.
9. Зверева Г.И. 2009б. Учреждение «русской нации»: год 2008. – Пути России: Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. – М.: Университетская книга.
10. Иноземцев В.Л. 2013. Потерянное десятилетие. – М.: Московская школа политических исследований. – 600 с.
11. Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. 2014. Нациестроительство в современной России. – М.: Алгоритм; Научный эксперт. – 408 с.
12. Лубский А.В. 2005. Цивилизационные образы России. – Социально-гуманитарные знания. № 4. С. 47–61.
13. Лубский А.В., Лубский Р.А. 2013. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России. – Гуманитарий Юга России. № 3. С. 90–103.
14. Лубский Р.А. 2014. Российская государственность как социальная реальность. Ростов н/Д: Фонд науки и образования. 292 с.
15. Лубский А.В. 2015. Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России. – Гуманитарий Юга России. № 2. С. 30–45.
16. Лубский А.В. 2016. Цивилизационный дискурс в условиях глокализации. – Философия права. № 2. С. 65–69.
17. Малинова О.Ю. 2008. Тема империи в современных российских политических дискурсах. – Наследие империй и будущее России. – М.: Новое литературное обозрение. С. 59–102.
18. Малинова О.Ю. 2012. Российская идентичность между идеями нации и цивилизации. – Вестник Института Кеннана в России. Вып. 2. С. 48–56.
19. Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте. – Фонд «Либеральная миссия». 2012. Дос-туп:<http://www.liberal.ru/articles/5797> (Проверено 12.05.14.)
20. Михайлов В.М. 2011. К вопросу об эволюции государственно-гражданской идентичности россиян. – Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: К 70-летию академика В.А. Тишкова. М.: – Наука. С. 115–124.
21. Паин Э.А. 2004. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М.: Новое издательство. – 248 с.

22. Перегудов С.П. 2011. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации Российского государства. – Полис. Политические исследования. № 3. – С. 141–163.

23. Репьева А.М. 2013. Нациестроительство. Формирование и существенные характеристики (США и Россия). – Международные отношения. № 2. С. 68–79.

24. Российская нация: Становление и этнокультурное многообразие (Отв. ред. В.А. Тишков). 2011. – М.: Наука. – 462 с.

25. Тишков В.А. Понимание нациестроительства в России в мировом контексте. – Блог В.А. Тишкова. Доступ: http://valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/va_tishkov.html

26. Bell W., Freeman W. 1974. Introduction. – Ethnicity and Nation-Building: Comparative, International, and Historical Perspectives (Ed. by W. Bell, W. Freeman). Thousand Oaks (Ca.): Sage Publications.

27. Civilizational Identity. The Production and Reproduction of «Civilizations» in International Relations (Ed. by M. Hall, P.T. Jackson). 2007. – N.Y.: Palgrave MacMillan. 242 p.

28. James P. 1996. Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community. – London: Sage Publications. – 338 p.

29. Nation Building in Comparative Contexts (Ed. by K.W. Deutsch, W.J. Folt). 1966. New York: Atherton.

«Власть», М., 2017 г., № 8, с. 39–48.

Мусульмане России: Реалии формирования гражданской идентичности

В. Зорин, доктор политических наук, профессор, заместитель директора Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы оценки численности мусульманского населения Российской Федерации, а также подчеркивается важность учета исламского фактора во внешней и внутренней политике России. На примере Северо-Западного федерального округа раскрываются особенности исламо-государственных отношений. Анализируются актуальные задачи, стоящие перед мусульманскими организациями в настоящее время.

Ключевые слова: ислам, гражданская идентичность, межконфессиональные отношения, численность мусульман в России, «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», исламо-государственные отношения.

Бесспорно, для Российского государства межэтнические и межконфессиональные отношения всегда были приоритетом внутренней жизни и национальной безопасности. Три года назад был принят важный доктринальный документ: «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года»⁵. Для страны прошедший период был временем больших успехов и немалых испытаний, среди которых – усилившееся политическое и экономическое давление со стороны Евросоюза, растущие санкции наших европейских и американских партнеров, ухудшение отношений с НАТО, попытки раскачать политическую стабильность, в том числе и за счет этноконфессионального фактора, возросшая активность запрещенных в России международных террористических организаций.

Однако, как и всегда, их «усилия» привели к обратному результату. Эти беспрецедентные меры в отношении нашей суверенной страны, наоборот, способствовали объединению и консолидации многонационального и поликонфессионального народа России. Можно с уверенностью сказать: проект единства российской гражданской нации выдержал очередные испытания, и это является важным фактором преодоления ксенофобии, экстремистских и радикальных настроений, национализма и религиозной нетерпимости. С особой силой мероприятия, посвященные 70-летию Великой Победы, доказали верность наших людей идеалам единства, справедливости и патриотизма.

Жизнь показала, что фундаментальные положения о необходимости осуществления в России формулы «единства в многообразии» отвечают не только насущной потребности обеспечения гражданского согласия в крупном государстве, это также еще и единственная реализуемая формула устройства многоэтнической и поликонфессиональной страны. Сразу следует подчеркнуть, что новая идеология гражданского национализма ни в коей мере не означает отрицание или растворение российских национальностей (наций в этническом смысле слова) в некой монокультурной общности под названием «российская нация».

Россия – многоконфессиональная держава. В девяти федеральных округах Российской Федерации проживает население, сложное не только по этническому, но и по религиозному составу. Официальных данных о численности граждан по религиозной принадлежности в Российской Федерации не существует. Всероссийские переписи населения не учитывают религиозную принадлежность. Исследователи используют различные косвенные методы для оценки

⁵ <http://www.ufa-edu.ru/education/Nacionalnoe%20obrazovanie/Normdoc/2025.pdf>

религиозного состава населения: данные социологических опросов, сведения о государственной регистрации религиозных организаций. Существует и так называемый этнографический метод, согласно которому те или иные национальности объявляются приверженцами определенных конфессий: русские – православные, татары – мусульмане, калмыки – буддисты и т.д. При этом упускается, что в составе каждой национальности есть последователи не одной, а многих религий, а также есть неверующие. Ни один из перечисленных методов не может дать правильных сведений о количестве верующих – они могут быть использованы только для приблизительной оценки состава населения по культурно-религиозной традиции.

Следует различать понятия «состав населения по культурно-религиозной традиции» и «количество верующих по конфессиям». Первое понятие включает не только верующих, но и тех, кто считает близкой себе определенную религиозно-культурную традицию (в силу своего воспитания, образования, образа жизни, бытовых традиций и пр.).

При анализе данных Всероссийских переписей населения 2002 и 2011 гг., в Российской Федерации к православной культурной традиции могут быть причислены свыше 70 национальностей общей численностью 124,3 млн человек, или 86% населения⁶. Но это не численность православных и тем более не численность верующих. Из этой страты часть относит себя к другим религиозным направлениям. Например, многие народы Севера относят себя одновременно и к православию, и к народным культам, шаманизму, что характерно и для некоторых народов Поволжья, Алтая. Определенная часть русского населения является приверженцами разных направлений протестантизма и так называемых новых (для России) религиозных направлений. Появились и «русские мусульмане». Некоторые исследователи определяют их численность около 10 тыс. человек. Часть вообще не связывают себя с религией. По данным социологических опросов численность населения православной культурной традиции в России может быть оценена как 100–110 млн человек (около 72% населения). К исламской культурной традиции могут быть отнесены более 65 национальностей – это 16,1 млн человек, или 11% населения страны. По данным социологических опросов, численность населения исламской культурной традиции может быть оценена как 7,2 млн человек (около 5% населения).

С этими оценками солидаризируются видные российские ученые, в том числе М. М. Мчелдова. Если прибавить сюда трудовых мигрантов, то получится цифра в районе 18 млн человек⁷.

Дискуссия о численности мусульман в России идет не первый год, однако она не имеет столь принципиального характера, который ей порой придается. Во-первых, наша страна, особенно после вступления в Лигу исламских государств, имеет там статус наблюдателя. Во-вторых, в истории России имеется многовековой опыт сосуществования православных христиан и мусульман, заложенный 250 лет назад известными указами Екатерины Второй.

Следует подчеркнуть, что вопрос об отношении к религии не предусмотрен при проведении Всероссийских переписей населения. Последний раз этот вопрос задавался в 30-е годы прошлого века. Тем не менее подобный опыт есть в некоторых странах, в том числе и постсоветских. Думаю, что при подготовке к очередной переписи (2020) можно вернуться к рассмотрению целесообразности внесения этого вопроса в переписной лист.

По общему экспертному мнению, мусульманская проблема в России (в дореволюционной Российской империи, в СССР и в современной, постсоветской Российской Федерации) всегда была актуальной и требовала своего конкретно-исторического подхода. Государственная власть в России всегда отдавала себе отчет, что игнорирование исламского фактора в выра-

⁶ Здесь и далее расчеты проводились совместно с В.В. Степановым под руководством В.А. Тишкова. Оценка по состоянию на начало 2011 г., включая данные Всероссийской переписи населения 2010 г. (полученные в октябре), а также сведения о международной миграции, итоги которой перепись не смогла учесть.

⁷ См.: Мчелдова М.М. Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире. 2015. Т. 6. № 1. С. 95.

ботке и проведении внутренней и внешней политики чревато тяжелыми последствиями. Для современной России решение вопроса о политической интеграции собственного мусульманского населения связано с вопросом территориальной целостности и национальной безопасности, а также с возможностью формирования устойчивой политической системы. Известный российский востоковед А. Малашенко отмечает существование в современной России специфических исламо-государственных отношений, включающих в себя ряд проблем политического, идеологического характера, связанных с вопросами этнической традиции, культуры, миграции. Он полагает, что эти отношения, несомненно, оказывают воздействие на стабильность общественных отношений⁸. И с этим нельзя не согласиться. Проиллюстрируем это на примере Северо-Западного федерального округа.

Самыми крупными этническими группами, традиционно исповедующими ислам, на территории Северо-Западного федерального округа являются татары, азербайджанцы, узбеки и таджики. Их общая численность, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., составляет 141,3 тыс. человек, или немногим более 1% от населения федерального округа.

Наибольшее влияние на деятельность официальных исламских структур оказывает татаро-башкирское сообщество, проживающее на Северо-Западе, начиная с Петровских реформ. В течение последних десятилетий заметно выросли землячества северокавказских этносов, что привело к образованию новых мусульманских общин (чеченских, дагестанских).

На численность и этнический состав уммы макрорегиона серьезное влияние также оказывает динамика миграционных процессов. Так, до 2015 г. граждане Узбекистана и Таджикистана обеспечивали до четверти миграционного прироста в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (эти два субъекта Российской Федерации абсорбируют 80% всей внешней миграции в Северо-Западном федеральном округе, поэтому данные по ним имеют определяющее значение для анализа миграционных процессов и изменений этнической структуры населения). Особенно интенсивный процесс переселения из среднеазиатских стран наблюдался в 2011–2013 гг. В 2013 г., например, миграционный прирост за счет них составил в Санкт-Петербурге более 25 тыс. человек, что даже в пятимиллионном мегаполисе не может остаться незамеченным. В относительном выражении эти показатели характерны и для Ленинградской области.

В ходе проводимых социологических исследований к приверженцам ислама в федеральном округе в целом отнесли себя 1,3%, что вполне коррелирует с данными об этническом составе населения. При этом очевидно, что временно пребывающие на территории России мусульмане не попадают в выборку. В региональном разрезе значительно больше положительных ответов в сравнении со среднеокружными значениями встречается в Санкт-Петербурге (4,8%) и Мурманской области.

Данные о религиозных организациях мусульман (РОМ) также достаточно адекватно характеризуют место этой авраамической религии на конфессиональном пространстве федерального округа: из более чем 2100 зарегистрированных организаций к исламу относятся около 40, или 1,8%. Наряду с ними имеется большое число незарегистрированных групп мусульман, совершающих намаз в арендуемых или подсобных помещениях самостоятельно или под руководством самодельных имамов. На территории федерального округа действуют пять мечетей, в том числе две соборные (Санкт-Петербург и Вологда), а также некоторое количество молельных домов. В целом деятельность исламских официальных организаций носит стабилизирующий характер и направлена на обеспечение межконфессионального согласия.

⁸ Малашенко А. (2014) Российские мусульмане в международном контексте. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Rossiiskie-musulmane-v-mezhdu-narodnom-kontekste-17204>

Влияние ваххабитских и салафитских проповедников на мусульман Северо-Запада России латентно и связано главным образом с наличием временных трудовых мигрантов⁹.

Один из крупнейших специалистов России по исламскому праву Л.Р. Сюкияйнен исходит из того, что ислам не является инородным элементом российской истории и культуры, а является религией и образом жизни миллионов россиян на протяжении многих веков. Исламская цивилизация накопила множество форм социальной регуляции, в том числе политико-правовых. Среди них есть и те, что могут быть использованы современным Российским государством и обществом в создании демократического общества, в частности такие, как стремление к стабильности и умеренности, к лояльности по отношению к власти, к совещательности, к достижению компромисса в конфликтах и избежанию вреда, к консолидации общества и государства¹⁰.

Развитие нашей страны на основе сохранения ее этнокультурного и религиозного многообразия, представленного в России в том числе и многовековой мусульманской традицией, равно как и формирование российской нации на условиях включения в ее сложную структуру элементов гражданско-территориальной и этнокультурной общности, бесспорно, может служить залогом прочности российской государственности, одним из факторов укрепления которой является межкультурное и межрелигиозное взаимодействие.

И в этой связи возникает несколько вопросов, решение которых послужит укреплению общероссийской идентичности и решению данной задачи.

Когда мы говорим о необходимости формирования общих ценностей, то здесь необходимо обращать внимание и на религиозные ценности, и на этнокультурные традиции. Ведь учение ислама, как и других традиционных религий России, выступает за равенство народов, уважительное отношение к культурному разнообразию.

В стратегии государственной национальной политики отражен именно такой сбалансированный подход. Документ делает акцент на роли религии в сохранении межнационального согласия, в деле предупреждения и разрешения конфликтов.

Я убежден, что в этой важной работе многое зависит от правильной постановки приоритетов и системности. Прежде всего, речь идет о подготовке и профессионализме священнослужителей. Можно сказать, что исламское образование становится составной частью работы по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений. Низкий уровень подготовки мусульманского духовенства и, как следствие, более высокая популярность радикальных проповедников, обучившихся за рубежом, – одна из причин роста радикальных настроений молодежи. На сегодняшний день имам – это базовый элемент развития мусульманской общины в России. Повышение уровня их подготовки позволит духовным управлениям при поддержке органов власти сформировать кадровый резерв. Организация подготовки собственных отечественных кадров приведет, на мой взгляд, к формированию системы конкурентоспособного отечественного обучения, собственной богословской школы, значительно сократится количество молодежи, выезжающей за рубеж для получения религиозного образования¹¹.

Одной из функций религии и религиозных организаций в условиях современности является их возможность выступать в качестве ресурса политической и социальной консолидации. Они способны при помощи гражданских, культурных, вероучительных объединительных моментов выполнять функции обеспечения национальных интересов и консолидации носите-

⁹ Данные текущего архива автора и В.Б. Угрюмова.

¹⁰ См., например: Сюкияйнен Л.Р. Шариат, адат и российское законодательство: соперничество или взаимодействие? Человек и общество на Кавказе. Проблемы правового бытия. – Ставрополь, 2001; Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. – М.: ООО «Садра», 2014.

¹¹ Зорин В.Ю. Выступление на заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ 22 октября 2013 г. Уфа; Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. 2003. № 2(21). С. 5–31.

лей российской цивилизационной идентичности, во многом способствуя продвижению интересов России, поскольку люди «без общих понятий и целей, без разделяемых всеми или большинством чувств, интересов не могут составить прочного общества», – как говорил российский историк В.О. Ключевский¹².

В условиях геополитического и экономического давления на нашу страну, возросшей террористической опасности со стороны ИГИЛ (запрещенной в нашей стране организации) значительно возрастает роль религиозных объединений и организаций в поддержке внешнеполитического курса страны. И это ясно акцентировали военная операция России в Сирии и кризис в российско-турецких отношениях, связанный со сбитым самолетом. «Народная дипломатия» и «мягкая сила» традиционных российских организаций может многое сделать для улучшения международного имиджа России и решения стратегических геополитических задач.

Другими важными направлениями деятельности исламских организаций могут стать их участие в реализации социальных программ, борьба с бедностью, волонтерство, противодействие наркотикам.

По данным ВЦИОМ, более 80% населения выступает против однополых браков. Общей заботой россиян независимо от вероисповедания является укрепление семьи, улучшение демографии, борьба с абортами.

Стратегия госнацполитики ставит задачу участия религиозных организаций в деятельности по развитию межнационального и межконфессионального диалога, противодействию экстремизму, предупреждению конфликтных ситуаций на межэтнической основе. И здесь в субъектах федерации СЗФО накоплен определенный позитивный опыт.

Россия продолжает оставаться привлекательной для мигрантов, несмотря на кризисные проявления в экономике. В 2014 г. в России побывали более 17 млн иностранных граждан. Каждый десятый из них прибыл в Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Сейчас на территории России с различными целями находятся более 11 млн иностранных граждан. Около 72,3% из них – граждане государств СНГ, 10,2% – граждане государств Европейского союза. Такое соотношение сохраняется уже много лет с незначительными колебаниями. Наибольшее количество граждан к нам приезжает из Украины, Узбекистана, Таджикистана и Казахстана. Безусловно, на динамику въезда повлияла ситуация на Юго-Востоке Украины. Среди визовых лидеров – Германия, США. Граждане СНГ преобладают почти во всех федеральных округах, их количество среди въезжающих иностранных граждан составляет от 72% в Центральном федеральном округе, 97% в Приволжском федеральном округе и 98% в Крымском федеральном округе, Северо-Западный ФО состоит наполовину из граждан СНГ. Понятно, что в основном приезжают люди исламских конфессий, и для них нередко мечеть является местом встреч, консультаций, оказания помощи и поддержки.

Мусульманские религиозные организации могут использовать и используют различные методы и формы работы с мигрантами. Например, проведение национальных, религиозных праздников, дней национальной культуры, создание вечерних школ по изучению русского языка, русской культуры, православной религии, основ законодательства, в частности трудового и гражданского кодексов. Также это могут быть приемы граждан по личным вопросам. Люди должны иметь возможность обратиться за помощью или советом.

Это тем более важно сегодня, потому что ислам нередко ассоциируется с наплывом в Россию мигрантов, которые зачастую ведут себя неадекватно, демонстрируя неуважение к местным традициям и обычаям, что составляет прочную основу настроенного и негативного отношения к исламу.

¹² Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. – М.: Мысль, 1987. – С. 41.

Подавляющая часть россиян судят об исламе по тем, кто находится на виду, т.е. по тем представителям мусульманского мира, которые вызывающе ведут себя, – это, как правило, радикалы. Образ мусульманина, таким образом, формируется у общества под воздействием акций религиозных экстремистов, конфликтов с участием мусульман, радикальных заявлений мусульманских политиков и духовных лиц.

Поэтому важной задачей сегодня является формирование положительного имиджа мусульман в России и мире. И в этой связи необходимы следующие мероприятия:

- информирование населения об основах мусульманской религии через СМИ;
- распространение информации о позитивной деятельности мусульман во всех регионах России.

Более того, на наш взгляд, следует проводить религиозоведческую подготовку и повышение квалификации кадров специалистов-госслужащих, работающих в сфере государственно-конфессиональных отношений, что будет способствовать повышению эффективности деятельности в отношении мусульман.

Однако главное – это обеспечить исполнение законов на всех уровнях власти. В сфере свободы совести и вероисповеданий необходимо создать эффективно функционирующий механизм реализации государственной политики, что будет содействовать укреплению взаимопонимания и сотрудничества представителей разных религий и людей неверующих, стабильности в обществе. Именно средства массовой информации влияют на массовое сознание, формируют стереотипы и информационные миры.

В межконфессиональных отношениях появляется конфликтотенный потенциал, который периодически выливается в разовые конфликты. Конфликтные проявления связаны со строительством культовых зданий, заключением под стражу и судебными процессами по делу служителей культа, а также и расхождениями в понимании религиозных идей, постулатов веры в одноименных конфессиях (внутри православия и внутри ислама). Существенный конфликтотенный потенциал содержит само соотнесение религии с терроризмом и экстремизмом, оправдание экстремизма постулатами религии и веры, что заботит прежде всего служителей ислама. В этом плане ведется широкая дискуссия о правомочности и оправданности использования таких лексем, как «истинный ислам», «традиционный ислам», «северокавказский ислам», «радикальный ислам», «политический ислам», «исламизм», «умеренный ислам», «исламские террористы», «Исламское государство Ирака и Леванта», а также о трактовках понятий «джихад», «такфир», «аль-васатыйя» и др.

Также конфликтные ситуации связаны с распространением нетрадиционных верований, учений и деноминаций, прежде всего языческого толка (родноверство, инглиизм, народная религия и др.), а также таких верований, как иеговизм, кришнаизм и др.

Органы власти субъектов СЗФО в целом овладели основными приемами антиконфликтотенного менеджмента межэтнических отношений. Однако в сфере межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений фиксируются явные проблемы. Они не всегда находят решение и периодически выливаются в локальные конфликты, накопление «критической массы» которых может вылиться в масштабный конфликт.

Я разделяю мнения экспертов, которые считают, что сложности межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений во многом объясняются отсутствием концептуального документа федерального уровня, определяющего принципы и механизмы государственно-конфессиональных отношений, аналогичного «Стратегии государственной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Не ясны в полной мере в концептуальном и операциональном плане трактовки принципа светскости государства и роли органов власти различного уровня в его обеспечении; основы взаимодействия светских и религиозных деятелей; принципы выстраивания отношения государства и общества к новым религиозным движениям и вероучительным практикам.

В заключение следует сказать, что на современном этапе важнейшим ресурсом нашего общества становится взаимодействие христианской и мусульманской, религиозных и светских культур в политической жизни российского федеративного государства. Необходимо достижение согласия относительно базовых ценностей общества в политической жизни с учетом российского цивилизационного и культурного контекста, евразийского выбора нашей страны. Успех в этом отношении будет способствовать (наряду с экономическим и социальным развитием) полноценному признанию постсоветской России в мире как суверенной, политически стабильной страны, по отношению к которой внешнее вмешательство типа оранжевых революций для достижения внутренних потрясений бесполезно.

Литература

1. Мчедлова М.М. Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт. Ислам в современном мире // Ислам в современном мире. 2015; № 11(1). С. 93–102. DOI:10.20536/2074–1529–2015–11–1–93–102
2. Сюкияйнен Л.Р. Шариат, адат и российское законодательство: соперничество или взаимодействие? Человек и общество на Кавказе. Проблемы правового бытия. – Ставрополь, 2001.
3. Сюкияйнен Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. – М.: ООО «Садра», 2014.
4. Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. 2003. № 2(21). С. 5–31.
5. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Мысль, 1987. – С. 41.

«Ислам в современном мире», М., 2016 г., т. 12, № 2, с. 117–126.

Место и роль ислама в регионах Российской Федерации, Закавказья и Центральной Азии

Особенности интеграции этносов Крыма в российский полиэтничный социум

В. Чигрин, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной философии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь)

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме исследования специфических особенностей интеграции многообразных этносов Крыма в российский полиэтничный социум в современных условиях. Решается вопрос о внутренних особенностях интеграции этносов Крыма в российское полиэтничное пространство. Делается вывод о необходимости формирования новой страницы исторической памяти нынешних и будущих поколений, о становлении непредвзятых межэтнических и межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: интеграция, этнос, социум, Крым, Россия.

Полиэтнический социум следует рассматривать как универсальную форму организации социального пространства, в котором реализуется бытие людей, объединенных в определенные этнонациональные и региональные общности, отношения которых следует характеризовать в системе, включающей специфические условия функционирования – ресурсные, исторические, экономические, политические, социокультурные, ментальные и др.

На этом основании целесообразно констатировать, что современный этап общественного развития характеризуется не просто интенсификацией изменений в плоскости этнонациональных и межрегиональных отношений, но достаточно часто радикальными переориентациями, которые приобретают диаметрально противоположные направления под давлением по-разному направленных потоков информации.

Особый тип полиэтничного социума – это социум, который создается на руинах многонациональных империй. Характерными чертами таких империй являются, как правило, проявления геноцида и социцида относительно этносов или социальных общностей, насильственная депортация, наличие поселенческих ограничений (полосы или зоны оседлости, прописка, невозможность получить документы, которые дают возможность переехать в другую местность), создание искусственных этнонациональных территориальных единиц (Еврейская, Чечено-Ингушская автономия) и др. В социокультурной сфере также можно перечислить множество ограничений языкового, персонального характера, ограничений на традиции и обряды, создание таких условий, которые приводили к межэтническим конфликтам (ферганские и другие события в СССР в конце 80-х годов). Именно Россия представляет собой такую форму полиэтничного социума, родившегося на развалинах «новой исторической общности – советского народа», миф о котором занимал прочное место в советской идеологии.

Конечно, в недавней истории нашей страны были периоды, которые показывали удивительную силу единства этносов, населявших бывшую Российскую империю, но были и периоды недоверия и ксенофобии, перераставшие в межэтнические конфликты. Все эти вопросы изучены не до конца, и нам – историкам, философам, политологам, психологам – еще пред-

стоит на основе анализа прошлого, настоящего и будущего построить целостную концепцию нациестроительства.

Замечу сразу: все эти черты были присущи не «титульной нации СССР», как сегодня утверждают западные и украинские политики, а имперской идеологии, которую насаждали представители руководящих органов, принадлежавшие к разным этносам.

В результате подобных субъективных вмешательств в нормальные этнонациональные и региональные отношения к моменту распада советской империи последние были существенно искажены, что и обусловило специфику кризисного развития ряда постсоветских республик, в частности Украины.

Как показывают последние годы, эта специфика приводит как к межэтническим столкновениям внутреннего характера, так и к межгосударственным конфликтам.

Россия активно ищет пути, которые позволили бы избежать подобных коллизий. Но, как представляется, некой универсальной формулы пока что не выработано. Тем более можно утверждать, что внутри этой будущей формулы должен присутствовать региональный сегмент, обеспечивающий полноценную интеграцию этносов в полиэтничный социум России.

В этом ключе крайне важным регионом здесь представляется Республика Крым, интеграция которой во всероссийский поли-этнический социум имеет ряд особенностей внутреннего и внешнего характера.

К внешним негативным факторам, безусловно, следует отнести действия Украины и Турции, которые пытаются не только изолировать полуостров ресурсно и экономически, но и формируют так называемую Крымско-татарскую автономию на территории Херсонской области. Там создаются вооруженные формирования, агрессивные намерения которых вполне понятны. Туда же будут рекрутированы с территории Турции этнические турки-месхетинцы, которых можно было бы подключать к разного рода диверсионным акциям (достаточно вспомнить имена «подрывников» ЛЭП у границы).

По заявлениям украинских политиков и их покровителей, Крым является украинским, и мы, крымчане, страдаем «под гнетом репрессий российских оккупантов». Но, с другой стороны, как объяснить, что по отношению к «стонущим», среди которых более полумиллиона составляют этнические украинцы и крымские татары, применяются самые разные санкции – от искусственной изоляции полуострова от материковой Украины до перекрытия Северо-Крымского канала и «блэкаута».

Нельзя сбрасывать со счетов и намерения сформировать из числа крымских татар или украинцев «пятую колонну», которая могла бы принять участие в дестабилизации обстановки в Крыму.

Однако сегодня речь пойдет о некоторых внутренних особенностях интеграции этносов Крыма в российское полиэтничное пространство.

Так, в плане исторической преемственности образа жизни и передачи социокультурного опыта из поколения в поколение население Крыма имеет ряд геополитических особенностей [1]. В своем тысячелетнем формировании история Крыма видела немало народов и племен, которые приходили или уходили, оставив после себя определенное культурное наследие. Некоторые народы, ступив на крымскую землю, остались там навсегда, обогатив своим культурным колоритом пеструю этническую гамму. Список этих народов более чем обширен, приведем лишь несколько примеров – тавры, киммерийцы, скифы, древние греки (эллины), римляне, сарматы – они оставили свой след в истории Крыма. Русские, татары, армяне, греки, караимы, немцы, украинцы и другие народности проживают в Крыму бок о бок по сей день.

Естественно, что все эти народы вступали в различные отношения друг с другом, иной раз не очень мирные и почти всегда непростые. Тем не менее, процессы межэтнического взаимопроникновения, ассимиляции, образования новых этнических групп шли в Крыму в это время довольно активно.

После присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. на территории Крыма наряду с крымскими татарами, караимами, крымчаками и местным христианским населением (армяне, крымские греки и др.) стали активно расселяться русские и украинцы, греки и болгары, а также немецкие, чешские, эстонские и польские колонисты.

Давайте обратим внимание на этнический состав населения Крыма. По данным последней переписи населения, в Крымском федеральном округе проживает 2 млн 284,4 тыс. человек.

На основе анализа этнического состава населения Крыма, а также изучения имеющихся исторических и географических публикаций по аспектам расселения этносов Крыма можно сделать некоторые обобщения об особенностях расселения этносов по территории РК.

Анализ карты этнического состава населения Крыма позволяет выделить места компактного проживания наиболее многочисленных этносов Крыма (восточнославянские этносы и крымские татары), а также некоторых относительно небольших по численности этнических групп (крымские армяне, болгары, греки, евреи, немцы).

Русские, являясь самым многочисленным этносом, проживают во всех районах и городах Крыма. Несмотря на это, существуют определенные различия в размещении представителей данного этноса на территории полуострова. Так, наибольшее их количество проживает в основном в городах (здесь их доля доходит до 70–72 %) – Керчь, Феодосия, Симферополь, Евпатория, Ялта, Алушта и др. Высокий их процент наблюдается и в сельской местности центральных, южных и восточных районов РК.

Украинцы также проживают по всей его территории, но наибольшее их число размещено в основном в сельской местности северной и западной частей полуострова (Красноперекопский, Джанкойский, Первомайский, Черноморский районы).

Крымские татары являются третьим по численности этносом Крыма и проживают на территории всей республики – как в городах, так и в селах. Важной особенностью их расселения является большое количество массивов компактного проживания. Это объясняется организованным характером их возвращения из мест депортации; получением земельных участков, компактно расположенных в определенных районах и городах; расселением в местах, исторически являющихся зоной проживания крымских татар, и т.д.

Анализируя карту расселения этносов, можно заметить интересную особенность: большая часть крымских татар проживает в центре, на северо-востоке, востоке и юго-востоке Крыма (степные и предгорные районы), тогда как на западе, юго-западе, юге (за исключением Бахчисарайского района – по историческим причинам) и на Керченском полуострове их численность намного меньше.

Наибольшее количество крымских немцев проживает в Симферополе, Евпатории и Ялте. Кроме того, немцы проживают компактными группами в Симферопольском, Красногвардейском, Черноморском, Нижнегорском, Кировском районах.

Представители остальных малочисленных этносов, проживающих в Крыму, размещены по его территории дискретно, небольшими группами, часть которых ассимилировалась с представителями других более крупных этносов. Поэтому четко назвать районы, где компактно проживают караимы, крымчаки, крымские поляки, молдаване, мордва, грузины, чуваша, эстонцы и другие народности, затруднительно. Однако, несмотря на свою небольшую численность, многие из этих этносов создали свои национально-культурные общества (всего на сегодня 25 этносами создано 29 подобных обществ) и ведут активную работу по сохранению и развитию своих национальных культур.

Статистические данные свидетельствуют о том, что большинство малочисленных этносов тяготеет к крупным городам (Симферополь, Ялта, Евпатория, Керчь, Феодосия), где у представителей данных этносов объективно имеется больше экономических, социальных, культурных, религиозных и иных возможностей.

Теперь следует обратить особое внимание на проблемы, которые генерирует разнообразный этнический состав населения Крыма. Следует отметить, что этнические проблемы в Крыму – явление не новое. Еще издревле некоторые народы мирно уживались на полуострове, а у некоторых уже в самой ментальности отсутствовало понимание того, что такое добрососедство. Такие народы всегда стремились либо захватить больше земель, либо как-то унижить и оскорбить другие народы, внушить им чувство неполноценности.

На современном этапе развития истории Крыма также можно проследить проблемы, которые приводят к разногласиям между этносами, порождая подчас конфликты, мотивы к которым присущи каждому из основных этносов Крыма – русским, украинцам и крымским татарам.

Русский этнос, представляющий собой наиболее многочисленную общность населения, крайне болезненно относился к факту дистанцирования от России, к факту того, что в силу политических процессов – перестройки, развала Советского Союза – они оказались в другом государстве, и, как следствие, произошло усложнение родственных контактов.

Еще одним фактором, обуславливающим комфортное проживание русских, был языковой. Но русскоговорящая часть населения Крыма с 90-х годов XX в. сталкивалась с проблемами образования на украинском языке, многие документы просто не предполагали в своем написании русского языка и должны были предъявляться только на государственном языке. На государственную службу принимали только со знанием украинского языка. Вопрос о присвоении русскому языку статуса второго государственного несколько раз поднимался в преддверии президентских и парламентских выборов, но так и не был решен. Сама проблема языка в Крыму стала не только этнической, но и политической.

Украинский этнос в Крыму в это время был менее конфликтогенным. Положительную роль в этом сыграло признание на государственном уровне украинцев титульным этносом и автоматическое поднятие его вверх по сравнению с другими народностями, что способствовало возникновению чувства компенсации за многолетние этапы статуса «малоросса». Эта осторожность, в основе которой лежит недостаточное понимание того, «кого же считать сегодня главным этносом», привела к некоторым проколам в последней переписи населения Крыма 2014 г. [2], особенно со стороны тех, кто является украинцем (украинкой) по национальности, живет в смешанном браке, имеет родственников в Украине.

Крымско-татарский этнос потенциально является самым проблемным. Для этого есть объективные причины.

В связи с этим следует начать с процесса интеграции крымско-татарского народа в украинский социум. Динамика интеграции крымско-татарского народа отслеживается с 1987 г. Условно этот процесс можно разделить на два этапа: первый – с 1987 по 1994–1995 гг.; второй – с 1994–1995 гг. до сегодняшних дней.

Особенность первого этапа заключается в крайне болезненной адаптации крымских татар, которая выразилась в их дискомфортном самочувствии, неуверенности, депрессивном поведении. И это имеет следующие причины:

1. Родина, о которой так много говорили родители, часто представляла чужой, неудобной и враждебной.

2. Происходили стратификационные изменения – крымские татары в Азии являлись, как правило, городскими жителями с достаточно высоким процентом высшего образования и, следовательно, были заняты в сфере интеллектуального и управленческого труда. Вернувшись в Крым, многие из них вынуждены были поселиться в сельской зоне, превратиться в работников сельскохозяйственного труда. Значительная часть трудовых ресурсов была дисквалифицирована. Безработица достигала свыше 50%.

3. Это сопровождалось падением уровня жизни и радикальным разделением на бедных и богатых после возвращения в Крым.

4. Наблюдалось не всегда доброжелательное отношение к процедуре возвращения крымских татар со стороны славянского населения Крыма.

Анализ поведения славянского населения и отношения к вопросу о возвращении крымских татар и их интеграции в крымское общество свидетельствует, что славянское население было напряжено и испытывало чувство отчуждения и неприятия крымских татар. Причина в опасениях, что присутствие крымских татар принципиально изменит их (славян) жизнь в Крыму, что крымские татары будут посягать на жизненное пространство славян, что они составят конкуренцию на довольно ограниченном рынке труда, что крымские татары принесут с собой агрессию. Опасения оказались напрасными, и славянское население от порога отчуждения и неприятия шагнуло к доброжелательности, сочувствию, принятию крымских татар.

Второй этап динамики интеграции крымских татар позволяет говорить о ролевых изменениях в их психологии. Крымские татары возвращаются в своей массе к состоянию осознания себя коренным народом, они делают заявки на активную значимость в крымском обществе, на интеграцию во власть, на свое место на рынке труда в прежнем качестве работников умственного и управленческого труда. Причем руководители крымско-татарского националистического движения желают интегрироваться согласно своим представлениям о роли своего этноса, требуют к себе особого отношения со стороны государства.

Крымские татары в лице своих политических структур сразу после распада СССР потребовали конституционного признания их коренным народом. Как было заявлено в Декларации о национальном суверенитете крымско-татарского народа, принятой на Курултае (съезде) еще в 1991 г.: «Крым является национальной территорией крымско-татарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение, так как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымско-татарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве».

Госдеп США, спецслужбы стран блока НАТО всячески поддерживали данный политический тезис, выдвигаемый меджлисом, и на различных уровнях внедряли его в политическую и юридическую практику.

Даже поверхностный взгляд говорит о противоречивости этой декларации по отношению к международному праву. Кроме того, что документ дискриминирует статус других этносов Крыма, он противоречит Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах народов. И, конечно, само по себе заявление о национальном суверенитете крымских татар несет в себе потенциал национального конфликта.

Попытки крымских татар определить свой статус в Крыму как коренного народа, дискуссии на эту тему в политических, научных и общественных кругах вызывают негативную реакцию и отчуждение к крымским татарам со стороны других этносов, проживающих в Крыму.

И, наконец, последний тезис конфликтного содержания – заявление крымских татар о дискриминации по этническому признаку. Указывается на то, что крымские татары подвергаются фильтру и дистанцированы от работы в законодательных, исполнительных органах власти Республики Крым, что их права ограничены в политической, экономической и других областях общественной жизни. Все эти тезисы эксплуатировались депутатами Верховной рады Джемилевым и Чубаровым, которые тем не менее чувствовали себя в Киеве весьма комфортно.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что последний серьезный конфликт между славянами и крымскими татарами был вызван событиями зимы 2014 г., когда на Украине произошел государственный переворот и жители Крыма в основной массе решили вернуться в состав Российской Федерации. Важно то, что не все представители крымско-татарского населения поддержали решение руководителей меджлиса о том, Крым должен оставаться в составе Украины. Но тем не менее в феврале произошли события, так или иначе давшие крымским татарам ярлык «несогласных».

Этническая ситуация в Крыму имеет неоднозначный характер. С одной стороны, Крым в силу своего геополитического положения (перекресток Азии и Европы, место пересечения культур) и исторических обстоятельств находится в сложной этнополитической ситуации и имеет статус региона с потенциальными возможностями развития этнических конфликтов. С другой стороны, трудно не заметить, что в Крыму на протяжении последних двух лет осуществляется результативная национальная политика и нет радикального этнического противостояния.

Крым был и останется регионом с исторически сложившимся полиэтническим социумом особого типа (без выраженной титульной составляющей). Властям, а также каждому представителю каждой народности следует понимать то, что полуостров является домом не только для них, но и для каждого представителя других этносов. Не должно быть разногласий на почве такого понятия, как «коренной народ», ведь каждый, кто был рожден на крымской земле, уже ее коренной житель. Это необходимо помнить каждому крымчанину, а также исследователям, которые изучают любые проблемы, связанные с этническими аспектами социальных практик.

К большому сожалению, некоторые исследователи забывают о такой важнейшей составляющей самоидентификации членов общества, какой является историческая память. В то же время следует согласиться с точкой зрения И.Е. Козновой [3], согласно которой существует тесная взаимосвязь между ментальными установками людей, их памятью и поведением. Ментальность – это непрерывный опыт социума, проявляющийся как цепь опытов поколений. Ментальность как память передается в виде психических, логических, лингвистических и других образов и структур, а также в виде текстов. Ментальные установки людей определяют характер и особенности исторического процесса.

Современное же общество, по нашему мнению, постоянно находится в поиске того, насколько память, которая выражает отношения «прошлое – настоящее», в действительности объясняет настоящее.

Несоблюдение указанных условий может привести к рискам получения неадекватных данных, которые сегодня являются недопустимыми для нормального развития Крыма, для обеспечения его безопасности. Наконец, недопустимы они и для системы образования, цель которого – не только подготовка специалистов определенных отраслей производства, но и формирование их гражданского сознания, частью которого является неискаженная историческая память.

В связи с этим следует учитывать, что, во-первых, Республика Крым является одним из наиболее населенных регионов с такими специфическими отраслями, как мореходство, рыболовство и рыбообработка, туризм, санаторно-курортное обслуживание, а также со сложной социальной инфраструктурой, весьма чувствительной к кризисным явлениям. Это приводит к разнообразию социальных проблем, с которыми сталкивается наш регион. Естественно, осмысление этих проблем разными территориальными и социально-профессиональными группами населения, их перевод в сферу повседневных и инновационных социальных практик не является, да и не может быть единообразным.

Во-вторых, это проблема взаимодействия культур, языков, конфессий, которой, как показывает практика, украинские власти не озаботились в должной мере за все 23 года «независимости». В результате мы сталкиваемся с тем, что в некоторых основных этнических группах населения Крыма имеются политически активные элементы, выступающие с националистических позиций и видящие, вслед за М. Джемилевым и Р. Чубаровым, своей целью превращение своего народа в титульный этнос полуострова. С другой стороны, другие представители крымско-татарского, украинского, российского и других этносов, формирующих поли-этнический социум Крыма, представляют принципиально иную модель менталитета, которую можно определить формулой «мы – крымчане». Здесь наш анализ свидетельствует об активном включе-

нии в этот процесс факторов исторической памяти, неоднозначной у разных этносов Крыма и их внутренних составляющих.

Украина фактически провоцировала Крым на этнополитический конфликт, который, к счастью, имел вялотекущий характер. Попытки обострить ситуацию накануне воссоединения Крыма с Россией, используя часть крымско-татарского этноса (изнутри) и украинских националистов (извне), провалились. И здесь западные и украинские политики правого толка и обслуживающие их социологи не учли того, что в среде крымских татар фиксируется несколько срезов исторической памяти.

Те, кто пережил, даже будучи ребенком, депортацию, вполне естественно фиксируют в своей памяти этот страшный для тысяч людей прецедент, неприятие которого становится частью менталитета этих людей.

Те, кто родился и вырос в местах депортации, в частности в Узбекистане, подсознательно считают его своей малой родиной, а потому более умеренно, толерантно рассматривают ситуацию, не поддерживают, во всяком случае, активно, этнополитические элиты, которые активно действуют в процессе развития конфликта, ищут поддержку своих позиций за пределами Крыма. И это иной срез исторической памяти крымско-татарского населения.

Наконец, крымско-татарская молодежь характеризуется лабильностью исторической памяти. Именно в ней мы видим смесь менталитетов – менталитет принадлежности к общности «мы – крымчане», менталитет этнонациональной исключительности, наконец, менталитет «исторического беспамятства», насаждавшегося прямо или косвенно в годы украинского владения Крымом.

Резюме. Подобные миксы исторической памяти мы наблюдаем и у молодежи иных, в том числе славянских, этносов, что ставит особые задачи и перед социологами, и перед работниками образования.

Что касается преподавательского корпуса, коллективов университетов и колледжей, речь здесь должна идти об открытии и формировании новой страницы исторической памяти нынешних и будущих поколений, и о становлении непредвзятых межэтнических и межконфессиональных отношений, и о многих других вопросах, которые придется решать Крыму в новой геополитической конфигурации.

Этот механизм, как представляется, может стать одним из важных факторов интеграции этносов Крыма в российский поли-этнический социум.

Литература

1. Чигрин В.А., Харабуга В.В. Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества // Вестник Института социологии. 2015. № 4 (15). С. 24–34.
2. Перепись населения в Крымском федеральном округе (2014) [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-wiki.org/wiki/> (Дата обращения: 02.05.2015.)
3. Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. – М., 2000. – 207 с.

«Гуманитарий Юга России», Ростов-на-Дону, 2016 г., № 4, с. 84–94.

К вопросу о месте религии в структуре идентичности чеченцев

С. Жемчураева, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории по исследованию социально-политических, правовых и духовных процессов, Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И. Ибрагимова Российской академии наук (г. Грозный)

Проблема идентичности в современных условиях приобретает все большую актуальность, и связано это с множеством факторов. В первую очередь, данная тематика вызывает интерес в связи со стремительно протекающим процессом глобализации. Именно идентичность, по мнению многих ученых, является главным обстоятельством, противостоящим глобальным трансформациям. Необходимость задаться вопросом «Кто мы?» и знать на него ответ побуждает ученых к изучению сложной структуры идентичности как возможности создания стабильного общества.

Взаимодействие человека со средой в процессе производственной деятельности во многом влияет на национальный характер, жизненные ценности, составляющие менталитет народа. В значительной степени он является формой духовного приспособления к среде обитания, способом надления смыслом привычных, повседневных действий и поступков¹³

¹³ См.: Природные и географические факторы в истории России и формировании менталитета русского народа. <http://www.fullistoria.ru/fuists-278-1.html> (Дата обращения: 29.09.2012.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.